

моральное
ЖИВОТНОЕ

РОБЕРТ РАЙТ

Наука, идеи, ученые

Роберт Райт

Моральное животное

«Издательство АСТ»

1994

УДК 53
ББК 22.3

Райт Р.

Моральное животное / Р. Райт — «Издательство АСТ»,
1994 — (Наука, идеи, ученые)

ISBN 978-5-17-120106-7

Роберт Райт (р. в 1957 г.) – профессор Пенсильванского университета, блестящий журналист, автор нескольких научных бестселлеров, каждый из которых вызывал жаркие дискуссии. Его книга «Моральное животное», переведенная на 12 языков и признанная одной из лучших книг 1994 года, мгновенно привлекла к себе внимание и поделила читательскую аудиторию на два непримиримых лагеря. Человек есть животное, наделенное разумом, – с этим фактом трудно поспорить. В то же время принято считать, что в цивилизованном обществе разумное начало превалирует над животным. Но так ли это в действительности? Что представляет собой человеческая мораль, претерпевшая за много веков радикальные изменения? Как связаны между собой альтруизм и борьба за выживание, сексуальная революция и теория эволюции Дарвина? Честь, совесть, дружба, благородство – неужели все это только слова, за которыми скрывается голый инстинкт? Анализируя эти вопросы и остроумно используя в качестве примера биографию самого Чарлза Дарвина и его «Происхождение видов» и знаменитую работу Франса де Валя «Политика у шимпанзе», Роберт Райт приходит к весьма любопытным выводам... В формате a4.pdf сохранен издательский макет.

УДК 53
ББК 22.3

ISBN 978-5-17-120106-7

© Райт Р., 1994

© Издательство АСТ, 1994

Содержание

Введение	7
Часть первая	15
Глава 1	15
Глава 2	24
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Райт Роберт

Моральное животное

Посвящается Лизе

Бессознательно он снова отхлебнул из фляжки. Вкус бренди вызвал у него в памяти дочь, вошедшую с яркого, солнечного света в хижицу, – ее хитрое, насупленное, недетское лицо.

Он сказал:

– О Господи, помоги ей. Я заслужил твое проклятие, но она пусть живет вечно. – Вот любовь, которую он должен был чувствовать к каждой человеческой душе, а весь его страх, все его стремления спасти сосредоточились не по справедливости на этом одном ребенке. Он заплакал: девочка словно медленно уходила под воду, а он мог только следить за ней с берега, ибо разучился плавать. Он подумал: вот как я должен бы относиться ко всем людям...

Грэм Грин, «Сила и слава»¹

¹ Перевод Н. Волжиной.

Введение

Дарвин и мы

О человеке в «Происхождении видов» не сказано почти ни слова – книга и так получилась скандальной: чего стоит посягательство на библейскую историю сотворения мира и развенчание утешительной веры в божественную природу человека. Лишний раз дразнить общественность Дарвин не хотел, однако в конце последней главы не удержался и заметил, что в процессе изучения эволюции «много света будет пролито на происхождение человека и на его историю». И добавил, что «в будущем... откроется еще новое важное поле исследования... психология».

Как обычно бывает, до светлого будущего ученый не дожил. В 1960 году, через сто один год после первой публикации его эпохального труда, американский историк Джон Грин писал: «Что касается происхождения собственно человеческих качеств – тут Дарвин был бы разочарован, узнав, что обсуждение этих вопросов очень мало подвинулось с момента выхода его статьи «Происхождение человека и половой отбор». Его бы вогнали в уныние слова Джозефа Вайнера из антропологической лаборатории Оксфордского университета о том, что это «большая непостижимая тема, наше эволюционное понимание которой остается весьма скудным». В свете господствующих теперь представлений о человеке как о единственном животном, способном к сохранению и передаче культуры, даже Дарвин бы дрогнул и поддался соблазну вернуться к креационистской идее о том, что человек имеет принципиально иную природу, чем остальные животные»².

Революция грянула через пару лет. С 1963 по 1974 год четверо ученых: Уильям Гамильтон, Джордж Уильямс, Роберт Триверс и Джон Мейнард Смит – высказали ряд идей, которые уточнили и дополнили теорию естественного отбора, существенно углубив представление эволюционных биологов о социальном поведении животных, и человека в том числе. Правда, поначалу о нашем виде почти не говорили, предпочитая обсуждать статистические аспекты самопожертвования среди муравьев и скрытую логику брачного поведения птиц. Даже в двух эпохальных трудах – «Социобиология» Эдварда Уилсона (1975) и «Эгоистичный ген» Ричарда Докинза (1976), – где эти новые идеи были впервые четко сформулированы, о человеке почти не упоминалось. Докинз вообще обошел эту скользкую тему стороной, а Уилсон ограничился крошечной и довольно отвлеченной главой в самом конце книги.

Лишь с середины 1970-х годов стали намечаться положительные подвижки. Небольшая, но быстро разросшаяся группа ученых приняла концепцию «нового синтеза», выдвинутую Уилсоном, и начала активно внедрять ее в социальные науки с целью их реорганизации. Они анализировали эволюцию человека, собирали факты, проверяли гипотезы и, пройдя сквозь неизбежные неудачи, добились большого успеха – правда, продолжают упорно (и не без тайной сладострастной гордости) считать себя гонимым меньшинством, хотя оснований для этого уже нет. Сейчас их статьи охотно берут в авторитетные журналы по антропологии, психологии и психиатрии – не то что десять лет назад, когда их печатали лишь в никому не известных изданиях дарвинистского толка.

Медленно, но неуклонно новое мировоззрение пробивает себе дорогу – да, синтетическая теория эволюции – это не только научная теория, подтвержденная фактами, как, например, квантовая физика или молекулярная биология, но и особый взгляд на мир. Стоит однажды

² Greene (1963), pp. 114–115.

в ней разобраться (а сделать это гораздо проще, чем с двумя другими упомянутыми дисциплинами), и ваше восприятие социальной реальности поменяется раз и навсегда. Она помогает находить ответы на самые разные вопросы, касающиеся обыденных и возвышенных сторон нашей жизни: будь то ухаживания, любовь, секс (моногамны ли по своей природе мужчины и женщины? какие обстоятельства заставляют их хранить верность партнеру или нарушать ее?), дружба и вражда (какая эволюционная логика стоит за корпоративной и любой другой политикой?), эгоизм, самопожертвование и чувство вины (зачем в процессе эволюции у человека сформировался такой уникальный орган, как совесть? действительно ли он отвечает за «нравственное» поведение?), социальное положение и честолюбие (обусловлена ли иерархическая структура общества особенностями нашей природы?), разное отношение мужчин и женщин к карьере и дружбе (являемся ли мы заложниками своего пола?), расизм, ксенофобия, вражда (почему мы с такой легкостью отказываем в сострадании огромным группам людей?), обман, самообман и подсознание (возможна ли интеллектуальная честность?), психопатологии (естественны ли депрессии, неврозы, паранойя? если да, то как смягчить их проявления?), отношения между братьями и сестрами (почему к любви нередко примешивается ненависть?), влияние родителей на психическое здоровье детей (почему они причиняют вред? чьи интересы при этом преследуют?) и так далее.

Тихая революция

Новому поколению социологов-дарвинистов пришлось бороться с доктриной, которая господствовала в общественных науках почти весь XX век и утверждала, будто биология не имеет особого значения – наше поведение определяется лишь нашим же пластичным разумом и сформированной им культурной средой, а не эволюционными особенностями; не врожденная человеческая природа управляет нашими поступками, а скорее наоборот, этой природой можно и нужно управлять. Как писал на рубеже веков отец современной социологии Эмиль Дюркгейм, человеческая природа «представляет собой несформировавшуюся материю, которую преобразует социальный фактор». По его мнению, история показывает, что даже такие глубоко переживаемые эмоции, как «половая ревность, детская или родительская любовь, вовсе не неизменно присущи человеческой природе»³. При таком подходе человеческому сознанию отводится пассивная роль: оно представляется некоей емкостью, куда по мере взросления индивида вливается местная культура; и если оно и накладывает на нее какие-либо ограничения, то ими легко можно пренебречь из-за чрезмерной широты.

Американский антрополог Роберт Лоуи в 1917 году писал, что «принципы психологии неспособны объяснить феномен культуры, так же как и гравитация не может объяснить архитектурные стили»⁴.

Даже психологи (которым полагалось бы защищать человеческое сознание) часто пренебрежительно отзывались о нем, как о «*tabula rasa*». Господствовавший в XX веке бихевиоризм провозглашал, будто бы изначально аморфное сознание формируется под воздействием окружающей среды: люди склонны воспроизводить поведение, которое имело благоприятные последствия, и избегать негативного опыта. В рамках этого подхода в 1948 году американский психолог Беррес Скиннер опубликовал роман-утопию «Уолден Два», где описывал общество, в котором зависть, ревность и прочие общественно опасные побуждения гасились жесткой системой положительных и отрицательных подкреплений.

Такой взгляд на человеческую природу (как на что-то крайне несущественное и малозначимое) получил среди современных социологов-дарвинистов название «стандартная модель

³ Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение. Пер. А. Б. Гофмана.

⁴ Tooby and Cosmides (1992). С. 22–25, 43.

социальных наук»⁵. Многие изучали ее в университетах, а некоторые даже на протяжении ряда лет искренне ей следовали, прежде чем усомниться. А затем и взбунтоваться.

Происходящее сегодня во многом подпадает под определение «смены парадигмы», данное Томасом Куном в книге «Структура научных революций» (1962): группа молодых ученых бросает вызов устоявшимся авторитетам, встречает ожесточенное сопротивление, упорно продолжает борьбу и одерживает победу – в общем, классический конфликт поколений, если бы не одно «но».

Революция эта отчего-то протекает довольно неприметно. Бунтари упрямо отказываются объединиться под каким-нибудь простым и звучным наименованием. Они было подняли на знамена меткий термин, введенный Уилсоном, – «социобиология», но одноименная книга вызвала на себя такой огонь критики, столько насмешек и обвинений в пагубных политических намерениях, что пришлось отказаться от новообретенной самоидентификации, дабы не компрометировать себя. Теперь последователи Уилсона скрываются под разными именами, хотя их и объединяет приверженность одним теориям. Поведенческие экологи, антропологи-дарвинисты, эволюционные психологи и эволюционные психиатры – это все они. Вы спросите: а что же случилось с социобиологией? Ответ прост: она ушла в подполье, где и продолжает подтачивать основы академической науки.

Ирония состоит еще и в том, что многие особенности нового подхода, которые больше всего раздражают старую гвардию, по сути, таковыми и не являются: с самого начала противники социобиологии критиковали не столько книгу Уилсона, сколько предшествующую ей литературу дарвинистского толка. Вообще говоря, эволюционный подход в применении к человеку здорово себя скомпрометировал. Взятый на вооружение политической философией на рубеже XIX–XX веков, он превратился в «социальный дарвинизм», который в крайних своих проявлениях послужил основанием для расизма, фашизма и классового угнетения. Примерно в то же время от него отпочковались примитивные идеи о «наследовании моделей поведения», отлично вписавшиеся в эти политически ангажированные теории. Отголоски тех представлений до сих пор дают о себе знать: многие обыватели и даже ученые продолжают считать дарвинизм чем-то крайне жестоким и антигуманным (видимо, полагая, что это синоним «социального дарвинизма»). Отсюда и многочисленные заблуждения о новой парадигме.

Незримое тождество

Одно из наиболее вредных заблуждений о неodarвинизме – то, что он якобы оправдывает социальное неравенство. На рубеже веков антропологи спокойно рассуждали о низших расах – «дикарях», неспособных к нравственному развитию. Неискушенным обывателям казалось, что подобные установки (со временем переросшие в шовинистическую идеологию, взятую на вооружение Гитлером) легко вписываются в теорию эволюции. Однако это совсем не так, и современные антропологи-дарвинисты, изучая народы мира, уделяют внимание не столько внешним культурным различиям, сколько базовым, общечеловеческим тождествам. За пестрым многообразием ритуалов и обычаев они ищут повторяющиеся модели поведения в любовных, семейных, дружественных, общественных, нравственных отношениях. Они полагают, что эволюционное развитие человека объясняет, почему представителей всех культур волнует социальный статус (и часто даже больше, чем они отдают себе в этом отчет), почему люди сплетничают (причем на одни и те же темы), почему во всех культурах мужчины и женщины отличаются друг от друга по ряду базовых признаков, почему людям всюду присуще чувство стыда (которое обычно возникает в одних и тех же обстоятельствах), почему людям

⁵ См.: Tooby and Cosmides (1992).

свойственно глубокое чувство справедливости (принципы, выраженные в пословицах «долг платежом красен» и «око за око, зуб за зуб», действуют по всему свету).

Открытие собственной природы дается человеку нелегко, что, в общем-то, и неудивительно: мы привыкли принимать как данность такие базовые чувства, как благодарность, стыд, раскаяние, гордость, уважение, месть, сострадание, любовь – точно так же, как мы считаем само собой разумеющимся воздух, которым дышим, силу притяжения, заставляющую предметы падать на землю, и другие явления, типичные для жизни на нашей планете⁶. Но ведь все бы могло быть совсем иначе: эти чувства, например, могли бы отсутствовать вовсе или быть присущи лишь некоторым этносам, а не всему человеческому виду.

Чем пристальнее антропологи-дарвинисты изучают народы мира, тем больше их поражает сложная и запутанная природа человека, которая связывает всех нас как огромная паутина. И постепенно, шаг за шагом, они начинают понимать, как именно эта сеть сплетена.

Даже когда неодарвинисты исследуют различия между группами или внутри их, они не сводят все к генетике и рассматривают непохожие мировые культуры как проявления общей человеческой сущности, адаптирующейся к разным внешним условиям. Эволюционная теория не возводит стены, она строит мосты и обнаруживает доселе невидимые связи между условиями жизни и культурой (например, объясняет, почему у одних народов за невестой принято давать приданое, а у других – нет). И эволюционные психологи, кстати, вопреки ожиданиям, придерживаются общепринятой концепции о том, что социальная среда на ранних этапах развития индивида оказывает огромное влияние на формирование его сознания. Уже есть исследователи (правда, их не так уж и много), которые твердо намерены раскрыть базовые законы психологического развития, придерживаясь дарвинистского подхода. Они уверены, что если мы хотим узнать, например, как ранний опыт влияет на уровень амбициозности или скромности, то сначала придется выяснить, почему в ходе естественного отбора данные качества не закрепились, а формируются индивидуально.

Впрочем, это не означает, что человеческая психика бесконечно податлива. У влияния окружающей среды есть свои пределы. Утопическая бихевиористская идея Берреса Скиннера о том, что человек может стать любым, если создать надлежащие условия, уже не кажется столь очевидной в наши дни – так же, как и идея о том, что самые темные уголки человеческого подсознания абсолютно незыблемы и определяются «инстинктами» и «безусловными рефлексами», или о том, что психологические различия людей обусловлены генетическими различиями (принципы психического развития, естественно, закодированы в генах, но они универсальны). Гораздо вероятнее идея о том, что большинство ключевых различий определяются средой.

По сути, эволюционные психологи занимаются поиском «второго дна», более глубокого тождества нашего вида. Сначала антрополог выявляет повторяющиеся, универсальные мотивы в разных культурах, эдакие «регуляторы» человеческого поведения (жажда социального одобрения, способность испытывать вину и так далее), затем психолог смотрит, как они настроены у разных людей: у одного, например, «регулятор» жажды одобрения находится в комфортном положении «уверенный в себе», а у другого вывернут до мучительной отметки «абсолютно не уверен»; у одного регулятор чувства вины установлен на минимум, у другого – на максимум. И тогда психолог задает себе вопрос: «А от чего это зависит?» Генетические различия, несомненно, играют определенную роль, но гораздо важнее не они, а генетическая общность, которая закладывает общевидовую программу развития, основанную на способности человеческого разума впитывать информацию из социальной среды и формироваться под ее воздействием. Как ни странно это прозвучит, но именно изучение генов позволит нам осознать роль среды.

⁶ 1 См.: Brown (1991) и последняя глава Pinker (1994).

Человеческая природа являет себя в двух ипостасях, обе из которых по естественным причинам выпадают из нашего поля зрения: одна настолько всеобъемлюща и очевидна, что воспринимается как само собой разумеющееся (например, чувство вины), другая порождает различия между людьми в процессе взросления (например, калибрует чувство вины) и поэтому не регистрируется нашим сознанием. Таким образом, мы имеем целую систему «регуляторов» и механизмов их настройки, но даже не подозреваем об этом.

Есть и еще одна причина подобной слепоты – базовая эволюционная логика закрыта от рефлексии. В ходе естественного отбора наша истинная сущность оказалась скрыта от самосознания. Как верно заметил Фрейд, мы игнорируем наши самые глубокие побуждения, причем настолько хронически и тотально, что он даже и не представлял.

Самопомощь по Дарвину

Эта книга затрагивает многие поведенческие науки: антропологию, психиатрию, социологию, политологию, однако в центре ее – эволюционная психология, молодая, не закостеневшая еще дисциплина, амбициозно замахнувшаяся на новую концепцию сознания. Она позволяет нам поставить вопрос, который бессмысленно было обсуждать в 1859 году, после публикации «Происхождения видов», и сто лет спустя, в 1959 году: чем теория естественного отбора может быть полезна обычным людям?

Способно ли эволюционное понимание природы человека помочь нам достигать жизненные цели? Ставить их? Отличать достижимые от недостижимых? Выбирать достойные? Станет ли нам проще отсеивать мешающие моральные импульсы, если мы будем знать, как они формировались в процессе эволюции?

Ответ на все эти вопросы, по-моему, очевиден – да. Однако он столь же очевидно вызовет раздражение и даже гнев многих моих коллег (я проверял). Они так долго работали под гнетом политических спекуляций на эволюционной теории, что предпочитают максимально разделять науку и мораль. Они уверены, что базовые нравственные ценности нельзя вывести из природных механизмов, к числу коих относится и естественный отбор, – это будет «натуралистической ошибкой».

Я согласен, что природа – не моральный авторитет, и нам не стоит перенимать все укорененные в ней «ценности» (например, «кто сильнее, тот и прав»), однако я также уверен, что изучение человеческой природы неизбежно (как вы увидите дальше) повлияет на наше понимание морали.

Эта книга, несмотря на абстрактное название, является прикладной: ее даже можно было бы назвать практическим руководством по психологической самопомощи, если бы не одно «но»... В ней вы не найдете ни дельных советов, ни ласковых подбадриваний. Дарвинистское мировоззрение не сделает в одночасье вашу жизнь легкой и счастливой – напротив, даже усложнит ее, заставив задуматься над привычным, но сомнительным с точки зрения морали поведением. Те немногие воодушевляющие рекомендации, которые я все-таки дам, можете считать счастливым исключением, потому что вообще новая эволюционная парадигма переполнена непростыми вопросами, зубодробительными загадками и мучительными дилеммами, о которых в первую очередь и пойдет речь в этой книге, ведь прежде чем искать практическое применение эволюционной психологии, надо понять ее основные принципы. Я хочу, чтобы вы увидели, насколько изящно теория естественного отбора объясняет особенности человеческого разума. Моя главная цель – изложить новую науку, а не описать ее влияние на политическую и нравственную философию (хотя и это тоже).

Я постарался максимально разграничить новый эволюционный взгляд на психику человека и собственные взгляды на его практическое применение. Не все читатели, которые примут первые, научные тезисы, согласятся со вторыми, философскими. Однако я уверен, что

даже скептики вряд ли станут отрицать их тесную взаимосвязь: признав, что новая парадигма – самая мощная оптика для изучения человеческого вида, будет странно взять и отложить ее, когда речь пойдет о преодолении трудностей, с которыми наш вид сталкивается. Ведь источник всех наших трудностей – в нас самих...

Дарвин, Смайлс и Милль

В 1859 году, практически одновременно с «Происхождением видов», в Англии были опубликованы еще две очень важные и интересные книги: «О свободе» Джона Стюарта Милля и «Саморазвитие» Сэмюэля Смайлса, тут же ставшие бестселлерами и положившие начало новому жанру практических руководств по психологической самопомощи. Удивительно, но эти труды, как оказалось, поставили вопрос, ответ на который и является сутью книги Дарвина.

Сэмюэль Смайлс не призывал доверять собственным чувствам, освобождаться от «токсичных» отношений, входить в резонанс с космосом и любить себя (чем грешат современные авторы), напротив, как истинный викторианец, он проповедовал честность, трудолюбие, стойкость, учтивость и железное самообладание. Он полагал, что почти всего можно добиться «личной волей и деятельностью», что «самоуважение... это лучшее оружие против всевозможных искушений и недостойных помыслов» и что «человек, проникнутый самоуважением, не станет унижать себя в физическом отношении чувственностью и в нравственном – низкими помыслами»⁷.

Милль же, напротив, резко критиковал викторианские принципы, предписывающие самоограничение и моральный конформизм. Он обвинял христианство в «отвращении к чувственности» и жаловался, что христианский идеал «представляется скорее отрицательным, чем положительным: правилами... предписывается скорее воздержание от зла, нежели энергичное стремление к добру, – «ты не должен» является преобладающим над «ты должен». Особенно вредной Милль считал кальвинистскую церковь с ее верой в то, что «человеческая природа радикально греховна и человеку нет другого средства спастись, как совершенно убить в себе человеческую природу». Сам он придерживался более оптимистичного взгляда на человеческую природу и был уверен, что это вполне согласуется с христианскими принципами, ибо «если религия признает, что человек создан существом добрым, то не соответственнее ли этому было бы поверить, что это доброе существо дало человеку все его способности для того, чтобы он пользовался ими, развивал их, а не для того, чтобы он их замаривал и искоренял, – что оно наполняется радостью всякий раз, когда видит, что его создания увеличивают свои способности к пониманию, к действию, к наслаждению»⁸.

Милль поставил очень важный вопрос: порочна ли изначально человеческая природа? Те, кто дает положительный ответ, склонны, подобно Смайлсу, к нравственному консерватизму, предписывающему самоотречение, воздержание и обуздание животного начала. Те, кто отвечает отрицательно, подобно Миллю, придерживаются нравственного либерализма с его мягкой оценкой поведения людей. Эволюционная психология за недолгое время своего существования уже успела пролить свет на данный вопрос, и выводы ее одновременно и успокаивают, и тревожат.

Альтруизм, сострадание, милосердие, любовь, совесть, справедливость – все это скрепляет общество и дает нам, как виду, основания для высокой самооценки, и все это, как теперь можно с уверенностью утверждать, заложено на генетическом уровне. Это хорошая новость. Однако как всегда есть и плохая: эти чувства присущи человеку, но они не работают «на благо вида» и поэтому не закрепились. Напротив, нравственные чувства срабатывают с омерзитель-

⁷ Смайлс С. Саморазвитие умственное, нравственное и практическое. Пер. В. Вольфсона.

⁸ Милль Д. С. О свободе. Пер. А. Н. Неведомского.

ной гибкостью, включаются и выключаются в зависимости от личной выгоды, причем зачастую даже без нашего ведома. Благодаря открытиям эволюционной психологии стало ясно, что мы, как вид, к счастью, обладаем великолепным набором нравственных качеств, но, к сожалению, часто используем их не по назначению и даже не отдаем себе в этом отчет. Так что название моей книги не лишено горькой иронии...

Вопреки «биологическим предпосылкам альтруизма», о которых так любят рассуждать популисты от социобиологии, и вопреки нападкам Джона Стюарта Милля, представление об «испорченной человеческой природе» (основанное на идее «первородного греха») имеет право на существование – вместе с моральным консерватизмом. Я действительно полагаю, что некоторые – некоторые! – консервативные взгляды, доминировавшие в Викторианскую эпоху, точнее отражают природу человека, чем господствовавшие на протяжении XX века воззрения большинства социальных наук, и что ренессанс морального консерватизма, наблюдающийся в последнее десятилетие (особенно в области секса), связан с осознанием истинной природы человека, которая долго отрицалась.

Тут может возникнуть закономерный и весьма щекотливый вопрос: распространяются ли консервативные взгляды современных дарвинистов и на политическую сферу? Естественно, все уже давно открестились от социального дарвинизма как от фатального, трагического заблуждения (и правильно сделали), однако мало кто решится отрицать, что вопрос о природной добродетели людей имеет явный политический подтекст, – связь идеологии и воззрений на природу человека слишком очевидна. За два прошлых столетия смысл политического «либерализма» и «консерватизма» изменился почти до неузнаваемости, но между ними все же сохранилось одно четкое отличие – политические либералы (например, как Милль в свое время) смотрят на природу человека в радужном свете и поэтому ратуют за более свободный моральный климат.

Актуальна ли эта связь между моралью и политикой в современном контексте? Новая эволюционная парадигма (в отличие от теории эволюции в целом) имеет обоснованный, умеренный политический подтекст, причем в равной степени как с левым, так и с правым уклоном. Хотя в отдельных случаях – с радикально левым (Карлу Марксу бы понравилось, но, увы, не все). Новая парадигма, с одной стороны, демонстрирует либералам идеологическую необходимость некоторых принципов нравственного консерватизма, а с другой стороны, показывает, что консерватизм только выиграет от либеральной социальной политики.

Анализируя Дарвина

Доказать состоятельность дарвинистского подхода я решил на примере самого Чарльза Дарвина. Его мысли, эмоции и поведение отлично иллюстрируют принципы эволюционной психологии.

В 1876 году в первом абзаце своей автобиографии он признался: «Нижеследующий рассказ о самом себе я старался написать так, словно бы меня уже не было в живых и я оглядывался бы на свою жизнь из другого мира», а затем с характерной мрачной отрешенностью добавил: «И не скажу, чтобы это было для меня трудно, ибо жизнь моя почти закончена»⁹. Я тешу себя дерзкой надеждой, что, пиши Дарвин свои воспоминания сейчас, вооруженный открытиями нового эволюционизма, у него получилось бы что-то похожее на эту книгу.

Биография Дарвина послужит нам даже не столько иллюстрацией, сколько пробным камнем для современной, улучшенной версии его теории естественного отбора. Дарвин и его последователи (не исключая меня) считали и считают, что с помощью теории эволюции можно объяснить природу всего живого. Если это так, то в качестве подопытного кролика подойдет

⁹ Дарвин Ч. Автобиография. Ч. 1.

любой человек, и почему бы в таком случае нам не взять того, кто и заварил всю эту кашу. Я считаю, что эволюционный подход лучше всего годится для анализа биографии Дарвина и его социального окружения – викторианской Англии. В этом отношении он и его современники подобны всем прочим объектам органической природы (простите мне такую дерзость).

Я признаю, что в контексте естественного отбора мы прежде всего думаем о беспощадной борьбе за существование и выживании сильнейших, а никак не о Дарвине, который, по воспоминаниям современников, всегда был вежливым и мягкосердечным (за исключением случаев, когда задевались его нравственные принципы, например, если он слышал, как оправдывают рабство, или видел извозчика, бьющего лошадь)¹⁰. Даже слава ничуть его не изменила. Английский литературный критик Лесли Стивен так отзывался о Дарвине: «Из всех выдающихся людей, с которыми мне довелось встретиться, он без сомнения вызывает у меня наибольшую симпатию. Есть что-то трогательное в его простоте и приветливости»¹¹. Именно таких людей Смайлс называл «истинными джентльменами».

Дарвин прочитал «Саморазвитие» в пятьдесят один год, хотя ему уже нечему было учиться у Смайлса: он и так жил под девизом постоянной борьбы с «нравственным невежеством, себялюбием и пороками». По общему мнению, Дарвин был скромнее до чрезмерности, и если ему и требовалось психологическое руководство, то скорее одно из тех, что издаются сейчас, – о том, как поверить в себя и полюбить себя.

Джон Боулби (1907–1990), английский психиатр и проницательный биограф, полагал, что Дарвин страдал от «мучительного презрения к самому себе» и «сверхактивной совести»: «Его простота и строжайшие моральные принципы привлекали к нему людей: родственников, друзей, коллег – и до сих пор вызывают искреннее восхищение, однако они развились так рано и с такой силой, что доставляли ему немало мук»¹².

Это, по-моему, делает Дарвина идеальным объектом для изучения. Я попробую доказать, что его характерные качества: скромность, совесть, неприятие грубости – для естественного отбора, казалось бы, бесполезные, все же естественным отбором и обусловлены. Именно таких людей, как Дарвин – благородных, добрых, честных, – мы мечтали бы видеть вокруг себя. Однако, по сути, он ничем от нас не отличался. Даже Чарльз Дарвин был животным.

¹⁰ LLC.D. Т. 3. С. 20. Автобиография.

¹¹ Clark (1984). С. 168.

¹² Bowlby (1991). С. 74–75; Смайлс (1859).

Часть первая

Секс, романтические отношения и любовь

Глава 1

Юный Дарвин и старая Англия

*Что касается английских леди, я почти забыл, что это такое...
Нечто ангельское и прекрасное, я полагаю.
Письмо с корабля Ее Величества «Бигль» (1835)¹³*

Юношам, родившимся в Англии XIX века, обычно рекомендовали не искать сексуальных наслаждений и не делать вещи, которые могут навести на мысли о таких наслаждениях. В своей книге «Функции и расстройства репродуктивных органов» викторианский врач Уильям Эктон предостерегает от опасностей, которые таят в себе «классические» произведения литературы: «В них много написано об удовольствиях, но ничего – о расплате за половые излишества. Мальчик и не подозревает, что, если сексуальные желания возникнут, для их обуздания потребуется сила воли, коей большинство юношей не обладают. Он не знает, что взрослый мужчина вынужден платить высокую цену за ошибки юности; что на одного спасшегося приходится десять, чью жизнь отравляют страдания; что ужасный риск сопутствует ненормальным заменителям половых отношений и что длительное потворство собственным слабостям в конечном итоге может привести к ранней смерти или самоубийству»¹⁴.

Книга Эктона была издана в 1857 году и отражала нравственные нормы так называемого средневикторианского периода. Впрочем, сексуальный аскетизм давно витал в воздухе – еще до восхождения на трон королевы Виктории в 1837 году. Фактически к нему призывали и до 1830 года – начала Викторианской эры в ее наиболее широкой трактовке. На рубеже веков жесткий моральный кодекс активно подпитывало евангелическое движение¹⁵. Как отмечает Дж. М. Янг в своем труде «Портрет эпохи», все мысли и поступки юноши, рожденного в Англии в 1810 году (на год позже Дарвина), «направляло и вдохновляло немислимое давление евангелистской дисциплины». Это касалось не только сексуальной сдержанности, но и сдержанности вообще – закономерное следствие масштабной войны с распушенностью. Всякому юноше надлежало усвоить, как выразился Янг, что «мир в высшей степени порочен. Неосторожный взгляд, слово, жест, картина или роман могли посеять семя разврата в самом невинном сердце»¹⁶. Другой исследователь викторианства охарактеризовал жизнь в те времена как «постоянную борьбу – не только с соблазнами и искушениями, но и с желаниями эго»; путем «строжайшей самодисциплины человек должен был заложить фундамент хороших привычек и тем самым обрести самоконтроль»¹⁷.

Именно эту идеологию Сэмюэль Смайлс, появившийся на свет через три года после Дарвина, отстаивал в своем «Саморазвитии». Как показывает популярность этой книги, евангелическое мировоззрение распространилось далеко за пределы методистских церквей, которые некогда послужили его источником: оно проникло в дома англиканцев, унитариев и даже

¹³ CCD. Т. 1. С. 460.

¹⁴ Marcus (1974). С. 16–17.

¹⁵ См.: Stone (1977). С. 422; Himmelfarb (1968). С. 278; Young (1936). С. 1–5; Houghton (1957).

¹⁶ Young (1936). С. 1–2.

¹⁷ Houghton (1957). С. 233–34.

агностиков¹⁸. Хороший тому пример – семья Дарвина. Хотя родители Чарлза придерживались унитарных взглядов (отец Дарвина был вольнодумцем, правда тихим и безобидным), сам он впитал пуританский дух того времени. Об этом наглядно свидетельствует его обостренное чувство совести и строгие нормы поведения, которых он придерживался всю жизнь. Спустя много лет после отказа от своей веры Дарвин писал: «Высшая степень нравственного развития, которой мы можем достигнуть, есть та, когда мы сознаем, что мы должны контролировать свои мысли и [как сказал Теннисон] «даже в самых затаенных мыслях не вспоминать грехов, делавших прошедшее столь приятным для нас». Все, что позволяет нашему уму освоиться с каким-нибудь дурным делом, облегчает совершение последнего. Марк Аврелий давно сказал: «Каковы твои постоянные мысли, таков будет и склад твоего ума, потому что душа окрашивается мыслями»¹⁹.

Хотя юность и зрелость Дарвина в некотором роде весьма необычны, в данном отношении они типичны для того времени: он жил под сильнейшим моральным давлением. В его мире вопросы о том, что хорошо, а что плохо, задавали на каждом шагу. Более того, на эти вопросы можно было дать ответ – четкий и ясный, хотя подчас и не самый приятный. Одним словом, наш мир очень отличается от мира королевы Виктории, причем во многом благодаря самому Дарвину.

Неожиданный герой

Первоначально Чарлз Дарвин намеревался стать врачом: «Мой отец... говорил, что из меня получился бы весьма удачливый врач, разумея под этим такого врача, у которого будет много пациентов. Он утверждал, что главный залог успеха заключается в умении внушать доверие к себе; я не знаю, однако, какие качества он мог усмотреть во мне, которые привели его к убеждению, что я мог бы возбуждать доверие к себе». Тем не менее в шестнадцать лет Чарлз послушно покинул уютное семейное поместье в Шрусбери и в сопровождении старшего брата Эразма отправился в Эдинбургский университет изучать медицину.

Особого энтузиазма профессия эскулапа у Дарвина не вызывала. В Эдинбурге Чарлз учился неохотно и старательно избегал анатомического театра (наблюдения за хирургическими операциями до изобретения хлороформа явно пришлись ему не по вкусу), зато посвящал много времени разного рода факультативным занятиям. Вместе с рыбаками он ловил устриц, увлекался охотой, брал уроки таксидермии, гулял и беседовал с Робертом Грантом – большим знатоком губок, который горячо верил в эволюцию, но, разумеется, понятия не имел, как она работает.

Через два года отец заподозрил, что хорошего врача из сына все-таки не получится; как позже вспоминал Дарвин-младший, «возможность моего превращения в праздного любителя спорта – а такая моя будущность казалась тогда вероятной – совершенно справедливо приводила его в страшное негодование»²⁰. В конце концов доктор Роберт счел нужным прибегнуть к плану Б и предложил «непутевому» отпрыску сделаться священником.

Такое предложение может показаться странным, особенно если учесть, что исходило оно, во-первых, от человека, который сам не верил в Бога, а во-вторых, предназначалось юноше, который не только не был вопиюще набожным, но и питал выраженный интерес к зоологии. Но отец Дарвина был человеком практичным. В то время зоология и теология считались двумя сторонами одной монеты. Если все живые существа суть творения Господни, то изучение их искусного строения равноценно постижению духа Божьего. Самым известным сторонни-

¹⁸ Houghton (1957). С. 62, 238; Young (1936). С. 1–4.

¹⁹ Дарвин Ч. Происхождение человека. Гл. IV. С. 236.

²⁰ Дарвин Ч. Автобиография. Ч. 1.

ком подобных взглядов был Уильям Пейли, автор книги «Естественная теология» (1802), в которой различные природные явления рассматривались как доказательства существования Бога. Подобно тому как часы подразумевают часовщика, утверждал Пейли, так и мир, полный замысловато устроенных организмов, идеально приспособленных для выполнения определенных задач, подразумевает творца²¹. (Пейли, безусловно, прав. Вопрос в том, кто этот творец – всевидящий Бог или бессознательный процесс.)

Поскольку естественная теология быстро снискала популярность, любой сельский священник отныне мог без зазрения совести тратить уйму времени на изучение и описание природы. Возможно, именно поэтому молодой Дарвин весьма благосклонно отреагировал на идею облачиться в рясу: «Я попросил дать мне некоторое время на размышление, потому что на основании тех немногих сведений и мыслей, которые были у меня на этот счет, я не мог без колебаний заявить, что верю во все догматы англиканской церкви; впрочем, в других отношениях мысль стать сельским священником нравилась мне. Я старательно прочитал поэтому... несколько... богословских книг, а так как у меня не было в то время ни малейшего сомнения в точной и буквальной истинности каждого слова Библии, то я скоро убедил себя в том, что наше вероучение необходимо считать полностью приемлемым». И Дарвин записался в Кембриджский университет. Там он прочел Пейли и был «очарован и убежден длинной цепью доказательств»²².

Правда, ненадолго. Сразу после окончания Кембриджа Дарвину представилась возможность поступить натуралистом на корабль Ее Величества «Бигль». Остальное, конечно, уже история. Хотя на борту «Бигля» Дарвин не задумывался о естественном отборе, наблюдения за дикой природой в самых разных уголках земного шара не только убедили его, что эволюция действительно существует, но и подсказали некоторые из ее важнейших законов. Спустя два года после возвращения из пятилетнего плавания Дарвин наконец сообразил, как она действует. Планы принять духовный сан не выдержали этого озарения и навсегда остались в прошлом. Кстати, будущие биографы Дарвина найдут особый символизм в томике стихов, который он взял в путешествие. Это был «Потерянный рай» Джона Мильтона²³.

Когда Дарвин покидал Англию, никто и представить не мог, что спустя полтора века люди станут писать о нем книги. Его юность, как совершенно справедливо отметил один из биографов, «была лишена даже малейших признаков гения»²⁴. Разумеется, к подобным заявлениям следует относиться критично (серая юность великих умов всегда вызывает у читателя особый интерес), а к этому заявлению – критично вдвойне: оно основано на личных суждениях Дарвина, а он был отнюдь не склонен к превознесению собственных талантов. «В течение всей своей жизни я был на редкость неспособен овладеть каким-либо [иностранном] языком... – пишет Дарвин. – Не думаю, чтобы я когда-либо мог добиться успеха за пределами элементарной математики... Кажется, все мои учителя и отец считали меня весьма заурядным мальчиком, стоявшим в интеллектуальном отношении, пожалуй, даже ниже среднего уровня». Может, это в самом деле было так, а может, и нет. Вероятно, больший акцент следует сделать на другом его даре – умении заводить дружбу с людьми «намного старше и по возрасту, и по академическому положению»: «Должно быть, было во мне что-то несколько возвышавшее меня над общим уровнем молодежи»²⁵.

В любом случае отсутствие ослепительного интеллекта далеко не единственное, что заставило некоторых биографов считать Чарльза «маловероятным кандидатом на бессмертие

²¹ См.: Gruber (1981). С. 52–59; современный ответ Пейли см.: Докинз Р. Слепой часовщик.

²² Дарвин Ч. Автобиография. Ч. 2.

²³ Дарвин Ч. Автобиография. Ч. 2. О приобщении Дарвина к эволюционизму и создании теории естественного отбора см.: Sulloway (1982) и Sulloway (1984).

²⁴ Clark (1984). Ч. 6.

²⁵ Дарвин Ч. Автобиография. Ч. 1, 2.

и неувядаемую славу»²⁶. Не исключено, что Дарвин просто не был выдающимся человеком. Чересчур добропорядочный, приятный, лишенный безудержных амбиций. В нем было что-то от деревенского мальчика, замкнутого и простого. «Почему именно Дарвину, менее тщеславному, менее образованному, менее одаренному воображением, чем многие его коллеги, – вопрошал один автор, – было суждено сформулировать концепцию, которую так рьяно искали другие? Как так получилось, что некто, столь ограниченный интеллектуально и невосприимчивый культурно, сумел разработать теорию, столь грандиозную по структуре и значительности?»²⁷

На этот вопрос есть два ответа: мы можем либо оспорить характеристику Дарвина (чем мы займемся чуть позже), либо, что гораздо легче, оспорить характеристику его теории. Идея естественного отбора грандиозна «по значительности», но далеко не «по структуре». Это маленькая и простая теория, которая вовсе не требует недюжинного интеллекта. Ознакомившись с ней, Томас Генри Гексли, хороший друг Дарвина, верный защитник и активный популяризатор его идей, воскликнул: «Как же глупо было не додуматься до этого самому!»²⁸

Всю теорию естественного отбора можно кратко сформулировать так: если среди представителей некоего вида имеются индивидуальные вариации в наследственных признаках и если одни признаки больше содействуют выживанию и размножению, чем другие, то со временем первые окажутся более распространены в этой популяции, чем вторые. В результате совокупный набор наследуемых признаков вида изменится. Вот и все. Оба положения очевидны.

Конечно, в рамках любого заданного поколения такое изменение может выглядеть незначительным. Тем не менее если длинные шеи помогают животным доставать драгоценные листья, то особи с короткими шеями будут умирать до достижения половой зрелости, а значит, средний размер шеи у вида постепенно увеличится. Пока в новых поколениях возникают вариации в длине шеи (посредством половой рекомбинации или генетической мутации, как мы знаем сейчас) и естественному отбору есть из чего «выбирать», средняя длина шеи будет стремиться вверх. В итоге вид, который изначально имел шею, как у лошади, со временем разовьет шею, как у жирафа. Короче говоря, это будет уже совсем другой вид.

Сам Дарвин обобщил теорию естественного отбора в восьми словах: «размножение, варьирование, выживание наиболее сильных и гибель наиболее слабых»²⁹. Здесь под «наиболее сильным» подразумевается не самый мускулистый, а наилучшим образом приспособленный к имеющимся условиям, будь то за счет маскировки, сообразительности или любого другого свойства, которое содействует выживанию и размножению³⁰. Обычно вместо прилагательного «сильнейший» используется словосочетание «наиболее приспособленный» (неологизм, который придумал не Дарвин, но который он тем не менее охотно принял) – «пригодность» организма к передаче своих генов новому поколению в рамках окружающей его среды. «Приспособленность» – то самое свойство, которое естественный отбор, бесконечно переделывая и перекраивая виды, «стремится» максимизировать. Именно приспособленность сделала нас такими, какие мы есть сегодня.

Если вам кажется, что в этом нет ничего сверхъестественного, то вы, вероятно, не уловили суть. Все ваше тело – гораздо более сложное и гармоничное, чем любое творение рук человеческих, – сформировалось в результате сотен тысяч случайных модификаций; каждый

²⁶ Clark (1984). С. 3.

²⁷ Himmelfarb (1959). С. 8.

²⁸ Clark (1984). С. 137.

²⁹ Дарвин Ч. Происхождение видов. Гл. VIII.

³⁰ Дарвин разграничивал «выживание» и «размножение». Признаки, ведущие к успешному спариванию, он приписывал не естественному, а «половому» отбору. Современное определение «естественного отбора» охватывает оба вышеупомянутых аспекта: сохранение признаков, которые так или иначе способствуют передаче генов организма следующему поколению.

крошечный шаг, который отделяет нас от прародительской бактерии, помогал некоему промежуточному предку передавать свои гены следующему поколению.

Как часто замечают креационисты, вероятность того, что человек мог возникнуть посредством случайных генетических изменений, и вероятность того, что обезьяна когда-нибудь напечатает пьесу Шекспира, примерно одинаковы (разумеется, речь идет не о целом произведении, а о некоторых длинных, узнаваемых отрывках). На самом деле, если следовать логике естественного отбора, такие вещи не так уж немислимы.

Предположим, у одной обезьяны появилась некая удачная мутация – ген XL, который, скажем, наделяет родителей особой любовью к своему потомству, любовью, выражающейся в более усердном кормлении. В жизни каждой отдельно взятой обезьяны этот ген, скорее всего, не будет играть критически важной роли. Но допустим, вероятность дожить до зрелого возраста у детенышей с геном XL *в среднем* на один процент выше, чем у детенышей без него. Пока это крошечное преимущество сохраняется, доля обезьян с геном XL будет расти, а доля обезьян без него – уменьшаться, поколение за поколением. В итоге мы рано или поздно получим популяцию, в которой все особи будут иметь ген XL. В этот момент мы можем сказать, что ген XL достиг точки «фиксации». Это значит, что отныне виду присуща более высокая степень родительской любви, чем раньше.

Но насколько вероятно, что удача будет сопутствовать этим обезьянам и впредь, иными словами, каковы шансы, что *следующее* случайное генетическое изменение приведет к *дальнейшему* усилению родительской любви? Насколько вероятно, что за мутацией XL последует мутация XXL? В случае одной конкретной обезьяны – *крайне* маловероятно. Однако в популяции теперь целое множество обезьян с геном XL. Если любой из них или любому из ее потомков удастся заполучить ген XXL, то этот ген, скорее всего, распространится. Тем временем, разумеется, другие обезьяны получают менее благоприятные для выживания гены, причем некоторые из них могут привести к полному исчезновению линии, в которой они появились. Что ж, такова жизнь.

Выходит, естественный отбор делает невозможное? В действительности так только кажется. Зачарованные линии, населяющие мир сегодня, гораздо менее вероятны, чем тупиковые вариации. Во всяком случае, последние возникали куда чаще. Мусорная корзина генетической истории переполнена неудачными экспериментами – длинными цепочками кодов, которые жили и здравствовали вплоть до судьбоносного всплеска речи. Их ликвидация – плата за развитие путем проб и ошибок. Но пока эту цену можно заплатить – пока естественный отбор не испытывает недостатка в поколениях и позволяет себе выбраковывать неудачные линии оптом, – его творения будут воистину впечатляющими. Естественный отбор – неодоушевленный процесс, лишенный сознания, и все же это неутомимый улучшатель, искусный мастер³¹.

Каждый орган внутри вас – свидетельство его искусства: ваше сердце, ваши легкие, ваш желудок. Все эти «адаптации» – продукты непреднамеренного замысла, механизмы, которые сохранились до сегодняшнего дня только потому, что в прошлом внесли особый вклад в приспособленность ваших предков. И все они видотипичны. Хотя легкие одного человека могут отличаться от легких другого (в том числе по генетическим причинам), почти все гены, задействованные в их формировании, одинаковы у вас, у вашего соседа, у эскимоса и карлика. Как отмечают эволюционные психологи Джон Туби и Леда Космидес, любая страница «Анатомии» Грэя применима ко всем людям в мире. С какой стати, спрашивают они, анатомия психики должна быть другой? Рабочий тезис эволюционной психологии гласит: различные «ментальные органы», составляющие человеческую психику, – например, «орган», побуждающий родителей

³¹ В этой книге я иногда буду говорить о том, что естественный отбор «хочет» или «намерен» сделать то-то или то-то, а также о том, какие «ценности» заложены в нем изначально. В таких случаях я всегда буду использовать кавычки, ибо это просто метафоры. Впрочем, к метафорам не стоит относиться свысока: они помогут нам морально свыкнуться с позициями дарвинизма.

любить своих детей, – видотипичны³². Иными словами, эволюционные психологи исповедуют так называемое «психическое единство человечества».

Климат-контроль

От австралопитека, который ходил прямо, но имел мозг размером с обезьяний, нас отделяют несколько миллионов лет – сто тысяч, может, двести тысяч поколений. На первый взгляд, не так уж и много, верно? С другой стороны, чтобы превратить волка в чихуахуа и сенбернара, понадобилось всего пять тысяч поколений. Конечно, собаки развивались путем искусственного, а не естественного отбора. Но, как подчеркивал Дарвин, в сущности, это одно и то же; в обоих случаях признаки выводятся из популяции на основании критериев, которые сохраняются в течение многих поколений. Если «давление отбора» велико – если гены выводятся достаточно быстро, – эволюция протекает весьма энергично.

«Но разве давление отбора могло быть так уж велико во время недавней эволюции человека?» – спросите вы. В конце концов, главный фактор, который обычно создает давление, – это враждебная среда: засухи, ледниковые периоды, сильные хищники, нехватка добычи, а в ходе эволюции человека значимость таких вещей постепенно уменьшалась. Изобретение орудий труда, огонь, развитие способности к планированию и стратегий совместной охоты – все это привело к растущему контролю над окружающей средой и относительной независимости от капризов природы. Как же тогда мозг обезьяны сумел превратиться в человеческий?

По всей вероятности, ответ заключается в том, что среду, в которой протекала эволюция человека, населяли люди (или пралюди)³³. В каменном веке все члены общества соперничали друг с другом за передачу своих генов следующему поколению. При этом успешное распространение генов в основном зависело от взаимодействия с соседями (одним помогали, других игнорировали, третьих эксплуатировали, четвертых любили, пятых ненавидели), а также от способности определить оптимальный стиль взаимодействия с тем или иным человеком в тот или иной момент. Таким образом, эволюция человеческих существ в основном сводилась к их адаптации друг к другу.

Поскольку каждая новая адаптация трансформирует социальное окружение, она неизбежно влечет за собой новый виток адаптации. Если ген XXL присутствует у всех родителей, ни один из них не получает дополнительных преимуществ в соперничестве за производство наиболее жизнеспособного и плодовитого потомства. Итог – гонка вооружений продолжается. В нашем примере «приз достается» самому любвеобильному. Но в жизни так происходит редко.

В определенных кругах нынче модно умалять значимость адаптации, упорядоченного эволюционного развития. Рассуждая об эволюции, популяризаторы биологического подхода чаще акцентируют не приспособленность, а случай, хаос. Безусловно, в результате изменения климата, которое произошло ни с того ни с сего, некоторые – не самые везучие – виды флоры и фауны действительно могли исчезнуть с лица Земли, трансформировав весь контекст эволюции видов, переживших бедствие. Космический крупье бросает кости, и все меняется. Конечно, такое бывает, и с этой стороны случайность в самом деле оказывает значимое влияние на эволюцию. Но есть и другие стороны. Так, генерация новых признаков, которые отбирает (или не отбирает) естественный отбор, судя по всему, носит случайный характер³⁴. Впрочем,

³² Обсуждение концептуальных основ эволюционной психологии, см.: Cosmides & Tooby (1987), Tooby & Cosmides (1992), Symons (1989), Symons (1990).

³³ См.: Humphrey (1976), Alexander (1974). С. 335, Ridley (1994).

³⁴ Некоторые дарвинисты убеждены, что в данном контексте термин «случайный» некорректен. По их мнению, процесс генерации порождает признаки, у которых вероятность оказаться полезными выше, чем у признаков, которые дал бы подлинно случайный процесс. Некоторые полагают, что процесс генерации признаков сам развился через естественный отбор – что гены, управляющие этим процессом, были специально отобраны для обеспечения генерации полезных генов. См., например: Wills

никакая «случайность» в естественном отборе не должна затмевать его главную особенность: ключевым критерием отбора выступает приспособленность. Да, кости бросают заново, и контекст эволюции опять меняется. Признак, который адаптивен сегодня, необязательно останется таковым завтра. Посему естественный отбор часто ограничивается тем, что просто-напросто подновляет устаревшие признаки. В результате такого непрерывного приспособления некоторые виды приобретают качества, весьма далекие от совершенных. (Именно по этой причине у людей часто бывают проблемы со спиной: если бы вы создавали ходячий организм с нуля, а не путем пошаговой адаптации бывших древесных обитателей, вы бы никогда не сотворили такие ужасные спины.) Правда, изменения в природных условиях обычно происходят относительно медленно, и эволюция вполне успевает за ними угнаться (пусть даже временами, когда давление отбора становится слишком велико и она вынуждена переходить на рысь).

Всю дорогу ее определение удачного строения остается неизменным. Тысячи и тысячи генов, влияющих на человеческое поведение – генов, которые строят мозг и управляют нейротрансмиттерами и другими гормонами, тем самым формируя наши «ментальные органы», – появились не случайно. Причина в том, что они помогли нашим предкам передавать свои гены следующему поколению. Если теория естественного отбора верна, то с его позиций можно описать почти всю человеческую психику. Все, что мы ощущаем, думаем и говорим друг другу, – все наши базовые чувства и мысли находятся при нас исключительно благодаря тому вкладу, который они однажды внесли в нашу генетическую приспособленность.

Сексуальная жизнь Дарвина

Ничто не влияет на передачу генов более явно, чем секс. Посему из всех проявлений человеческой психологии наиболее очевидные кандидаты на эволюционное объяснение – те состояния психики, которые ведут к сексу: грубая похоть, мечтательная влюбленность, сильная любовь и так далее – основополагающие силы, под влиянием которых люди выросли и продолжают взрослеть во всем мире.

Когда Дарвин покидал Англию, ему было двадцать два года. По всей вероятности, его переполняли гормоны, коим по традиции и положено переполнять молодых людей. Он вздыхал по паре местных девушек, особенно по хорошенькой, популярной и очень кокетливой Фанни Оуэн. Однажды он дал ей выстрелить из охотничьего ружья; она так очаровательно притворилась, будто отдача не ударила ей в плечо, что даже спустя десятки лет Дарвин вспоминал об этом инциденте с явным трепетом и нежностью³⁵. Из Кембриджа он вел с ней робкий флирт по почте, впрочем, неясно, осмелился ли он хоть раз ее поцеловать.

Конечно, в Кембридже были проститутки, не говоря уж о девушках низших классов – последних вполне могла устроить менее формальная плата. Однако местные инспекторы, день и ночь шнырявшие по улицам вокруг территории университета, арестовывали всех женщин, которых можно было заподозрить в «легком поведении». Брат посоветовал Дарвину держаться от девушек подальше. Пожалуй, его самая близкая связь с запретным полом состояла в том, что время от времени он посылал деньги другу, которого выгнали из школы за зачатие незаконного ребенка³⁶. Таким образом, не исключено, что Дарвин покинул берега Англии, будучи девственником³⁷. Что же касается последующих пяти лет, проведенных на небольшом судне

(1989). Это важный вопрос, но он не имеет отношения к теме данной книги; хотя ответ на него может пролить свет на скорость, с которой протекает эволюция, он никак не повлияет на наши представления о том, каким типам признаков она благоволит.

³⁵ ED. T. 1. C. 226–27.

³⁶ Desmond & Moore (1991). C. 51, 54, 89.

³⁷ Свидетельства добрых брачных сексуальных отношений см.: Brent (1983). C. 319–320.

в компании шестидесяти мужчин, то они едва ли изобиловали возможностями изменить этот статус, по крайней мере ортодоксальным способом.

Если уж на то пошло, секс не стал более доступным и по возвращении Дарвина на родину – в конце концов, это была викторианская Англия. В Лондоне (где поселился Дарвин) тоже обретались проститутки, но секс с «респектабельной» женщиной, женщиной одного с Дарвином класса, был труднодостижим – а то и вовсе невозможен, если, конечно, не брать в расчет такие крайние меры, как женитьба.

Пропасть между этими двумя видами секса представляет собой один из самых узнаваемых элементов викторианской сексуальной морали – дихотомию «мадонна – блудница». В те времена существовало два типа женщин: те, на которых позже женились, и те, с которыми можно было поразвлечься прямо сейчас; первые заслуживали самой горячей и преданной любви, вторые вызывали только похоть. Другая моральная установка, обычно прослеживаемая применительно к Викторианской эпохе, – двойные сексуальные стандарты. Хотя подобная атрибуция едва ли корректна – викторианские моралисты не приветствовали половую свободу как мужчин, так и женщин, – сексуальная неводержанность мужчин и правда вызывала меньше порицаний, чем неразборчивость женщин. Также верно и то, что это различие было тесно связано с дихотомией «мадонна – блудница». Величайшее наказание, ожидавшее викторианскую любительницу «приключений», заключалось в ее перманентном отнесении ко второй части дихотомии, что сильно ограничивало выбор потенциальных мужей.

Сейчас принято отвергать и высмеивать эти аспекты викторианской морали. Отвергать их можно, однако смеяться над ними – значит переоценивать наши собственные достижения в области нравственности и морали. В действительности многие мужчины до сих пор открыто говорят о «шлюхах» и их «правильном использовании» – девушки легкого поведения отлично подходят для развлечений, но не для женитьбы. Даже образованные либералы и те не исключение: они не рассуждают в таком духе, зато действуют в таком духе. Женщины часто сетуют на якобы просвещенных мужчин, которые одаривают их уважительным вниманием, но затем, после секса на первом или втором свидании, таинственно исчезают, точно их возлюбленная вдруг превратилась в парию. Хотя двойной стандарт и померк в XX веке, он еще достаточно силен, чтобы вызывать жалобы представительниц слабого пола. Понимание викторианского сексуального климата может приблизить нас к пониманию сексуального климата, который сложился в современном мире.

Интеллектуальное обоснование викторианской сексуальной морали носило эксплицитный характер: мужчины и женщины по природе своей отличаются друг от друга, особенно в части либидо. Даже те викторианцы, которые выступали против мужских похождений, подчеркивали это различие. Доктор Эктон писал: «Должен сказать, что большинство женщин (к счастью для них) не сильно обеспокоены сексуальными чувствами любого рода. То, что для мужчин привычно, для женщин исключительно. Также я должен признать, что есть женщины, чьи сексуальные аппетиты превосходят таковые у мужчин». Подобная «нимфомания» считалась «формой сумасшествия». И все же «нет сомнений в том, что сексуальное чувство у женщины в большинстве случаев неактивно... Даже в пробужденном состоянии (а во многих случаях оно не может пробудиться никогда), оно весьма скромно по сравнению с таковым у мужчины». Одна из проблем, пишет доктор Эктон, состоит в том, что многих молодых людей вводит в заблуждение вид «распущенной или, по крайней мере, низкой и вульгарной женщины». В результате они вступают в брак с неадекватными представлениями о его сексуальном наполнении. Они не понимают, что «лучшие матери, жены и домохозяйки почти ничего не знают о сексуальных утехах. Любовь к дому, детям и домашним обязанностям – вот единственные страсти, которые они испытывают»³⁸.

³⁸ Marcus (1974). С. 31.

Впрочем, есть женщины, считающие себя превосходными женами и матерями, которые придерживаются иного мнения (и, кстати, они имеют веские на то основания). Тем не менее идея о том, что между типичными мужскими и типично женскими сексуальными аппетитами имеются определенные различия и что мужской аппетит менее разборчив, нежели женский, находит существенную поддержку в новой дарвинистской парадигме. Более того, она находит поддержку и во многом другом. Некогда популярный постулат, что мужчины и женщины в основном идентичны по природе, похоже, имеет все меньше и меньше сторонников и уже не является ключевой доктриной феминизма. Многие феминистки – особенно ярые сторонницы «феминизма различия», или «эссенциализма», – признают, что мужчины и женщины в корне отличны друг от друга. Что именно подразумевается под «корнем», неясно; тем не менее большинство, скорее всего, не станет использовать слово «гены» в данном контексте. Пока они этого не сделают, их удел – дезориентация: хотя они прекрасно осознают, что ранняя феминистская доктрина врожденной сексуальной симметрии ошибочна (и даже могла некоторым образом повредить женщинам), им страшно посмотреть в лицо альтернативе.

Если бы новый дарвинистский взгляд на сексуальность лишь подтверждал общепринятое мнение, что мужчины – весьма сладострастная половина человечества, он бы не представлял особой ценности. Но он не только проливает свет на животные импульсы, такие как похоть, но и намечает более тонкие контуры сознания. Для эволюциониста «сексуальная психология» включает самые разнообразные вещи – от скачков самооценки в подростковом возрасте до эстетических и моральных суждений, которые мужчины и женщины выносят о представителях как своего, так и противоположного пола. Хороший пример – дихотомия «мадонна – блудница» и двойные сексуальные стандарты. Сегодня очевидно, что и то и другое уходит своими корнями в человеческую природу – в психические механизмы, посредством которых люди оценивают друг друга. Впрочем, здесь есть пара важных оговорок. Во-первых, когда мы говорим, что нечто является продуктом естественного отбора, это вовсе не значит, что оно заведомо не подлежит модификации; почти любое проявление человеческой природы можно изменить при условии соответствующего изменения среды. Во-вторых, когда мы говорим, что нечто «естественно», мы необязательно имеем в виду, что это хорошо. Мы вовсе не обязаны перенимать «ценности» естественного отбора и следовать им безоговорочно. Однако, если мы желаем исповедовать ценности, которые противоречат ценностям естественного отбора, мы должны знать, против чего мы выступаем. Если мы хотим изменить некоторые особенно неподатливые части нашего морального кодекса, прежде всего следует выяснить, откуда они взялись. *По сути*, они взялись из человеческой природы, хотя разглядеть эту природу, преломленную многочисленными слоями средовых условий и культурного наследия, не всегда просто. Нет, «гена двойных стандартов» не существует. Но чтобы понять двойные стандарты, мы должны понимать наши гены и их влияние на наши мысли. Мы должны понимать процесс, который выбрал эти гены, и мудреные критерии, которыми он при этом пользовался.

Следующие несколько глав мы посвятим изучению этого процесса и его роли в формировании сексуальной психологии. Затем (уже во всеоружии) мы вернемся к викторианской морали, психике самого Дарвина и психике женщины, на которой он женился. Это позволит увидеть нашу собственную половую жизнь – ухаживание и брак в конце XX века – с особой ясностью.

Глава 2

Самцы и самки

У различных больших классов животного царства – млекопитающих, птиц, пресмыкающихся, рыб, насекомых и даже ракообразных – различия между полами следуют почти совершенно тем же правилам. Самцы почти всегда ухаживают за самками...
«Происхождение человека» (1871)³⁹

Насчет секса Дарвин ошибался.

Разумеется, он был прав, говоря, что самцы – «ухажеры». Его толкование базовых характеров обоих полов актуально и сегодня: «...Самка, за редчайшими исключениями, менее пылка, чем самец. Она... робка, и часто можно видеть, что она в течение долгого времени старается ускользнуть от самца. Всякий наблюдавший нравы животных припомнит, конечно, примеры такого рода... Проявление известной разборчивости со стороны самки, по-видимому, почти такой же общий закон, как пылкость самца»⁴⁰.

Не ошибался Дарвин и насчет *последствий* такой асимметрии интересов. Поскольку сдержанность самок вынуждает самцов соперничать за ограниченные репродуктивные возможности, утверждал он, самцы часто обладают «встроенным» оружием: взять хотя бы рога у оленей, роговидные челюсти у жуков-рогачей или мощные клыки у шимпанзе⁴¹. Самцы, от природы лишённые должной экипировки для сражений с другими самцами, исключались из размножения, и их признаки выводились из популяции в ходе естественного отбора.

Кроме того, отмечал Дарвин, предпочтения самок оказывали существенное влияние на внешний вид их избранников. Если самки выбирают для спаривания самцов определенного типа, самцы этого типа будут преобладать. Отсюда разнообразные украшения, характерные для самцов многих видов – например, яркий горловой мешок ящериц, огромный и неудобный хвост павлина и, опять-таки, оленьи рога. В частности, последние куда изящнее и великолепнее, чем требуется для поединков в брачный период⁴². Эти украшения развились не потому, что помогают в повседневной жизни (скорее, они ее здорово усложняют), а потому, что помогают соблазнять самок. Одно это перевешивает все сопряженные с ними неудобства. (Как получилось, что соблазняться такими вещами в генетических интересах самок – отдельный вопрос, вызывающий известные разногласия между биологами⁴³.)

Оба варианта естественного отбора – соперничество самцов и придирчивость самок – Дарвин назвал «половым отбором». Он очень гордился этой идеей, и гордился заслуженно. Половой отбор – важное дополнение к его общей теории. Оно объяснило кажущиеся исклю-

³⁹ Дарвин Ч. Происхождение человека. Гл. XXI. С. 651–652.

⁴⁰ Там же. Гл. VIII. С. 323.

⁴¹ Там же. Гл. XVII. С. 564; Wilson (1975). С. 318–324.

⁴² Дарвин Ч. Происхождение человека. Гл. VIII, XII, XIV, XVII.

⁴³ Одна из теорий состоит в том, что изначально эволюция наделила самок особой симпатией к простым свидетельствам хорошего здоровья и выносливости самца (например, более яркой окраске), которые обещали выносливое и живучее потомство. Однако, как только эти предпочтения закрепились, более яркие самцы получили безоговорочное преимущество, которое уже не зависело от того, действительно ли яркая окраска – гарант здоровья. Акцент на яркости и быстрое распространение соответствующих генов, в свою очередь, еще больше усилили предпочтение ярких цветов: самки, которые выбирали ярких самцов, давали яркое, сексуально успешное потомство мужского пола. Возник замкнутый круг: чем большему количеству самок нравился цвет, тем ярче становились самцы, и наоборот. В последнее время данная теория подверглась самой разнообразной критике (хотя не все «альтернативные» теории с ней несовместимы). Увлекательное изложение этой проблемы см.: Ридли М. Секс и эволюция человеческой природы; Cronin (1991).

чения из нее (например, кричащие цвета, как бы говорящие хищникам: «Съешь меня!») и не только выдержало испытание временем, но и с тех пор существенно расширилось.

Что Дарвин упустил из виду, так это эволюционную *причину* робости самок и пылкости самцов. Он знал, что робость самок – основной источник конкуренции между самцами, и описал последствия такой конкуренции; однако он ничего не говорит нам о том, что порождает этот дисбаланс. Его более поздние попытки объяснить данный феномен не увенчались успехом⁴⁴. Справедливости ради следует отметить, что многие поколения биологов тоже потерпели фиаско.

Сегодня, когда ученые пришли к консенсусу по этому вопросу, длительные поиски ответа на него кажутся, мягко говоря, странными. Ответ очень простой. Разницу в сексуальных аппетитах самцов и самок можно объяснить с точки зрения естественного отбора; хотя это стало очевидным в течение последних лет тридцати, Дарвин вполне мог прийти к аналогичному выводу и сто лет назад, настолько явно он вытекает из его взглядов на жизнь. Впрочем, Дарвина можно простить: логика, лежащая в основе разницы в сексуальном поведении, отнюдь не бросается в глаза. И все же, если бы ему довелось услышать, как современные биологи-эволюционисты рассуждают о сексе, он бы, несомненно, пришел в ужас от собственной глупости и погрузился в депрессию.

Игры в Бога

Первый шаг к пониманию базового дисбаланса в сексуальной активности самцов и самок – проанализировать гипотетическую роль, которую естественный отбор играет в формировании видов. Возьмем, к примеру, наш вид. Допустим, вы хотите внедрить в психику человека (или прачеловека) правила поведения, которыми он будет руководствоваться всю свою жизнь. Допустим также, что ваша конечная цель – максимизация генетического наследия каждого. Проще говоря, вы должны заставить людей вести себя так, чтобы они оставляли много потомков, которые, в свою очередь, тоже будут оставлять много потомков.

Разумеется, на самом деле естественный отбор работает не так. Он создает организмы не сознательно. Он вообще ничего не делает сознательно. Он слепо сохраняет особенности, содействующие выживанию и размножению⁴⁵. Тем не менее естественный отбор действует так, *как будто* он сознателен; поэтому представить себя на его месте – допустимый способ выяснить, какие признаки эволюция скорее всего закрепит в людях и других животных. Фактически именно этим биологи-эволюционисты и занимаются большую часть своего рабочего времени: они смотрят на признак – психический или физиологический – и пытаются определить, решением какой инженерной задачи он выступает.

Играя в режиссера эволюции, вы быстро обнаружите, что максимизация генетического наследия предполагает разные стратегии для мужчин и женщин. Мужчины могут вступать в половую связь сотни раз в год – если, конечно, они сумеют склонить к этому достаточное количество женщин, и если в обществе отсутствуют запреты на полигамию (последние, разумеется, не существовали в условиях, в которых протекала основная часть нашей эволюции). Женщины,

⁴⁴ В некотором смысле Дарвин был на верном пути. Он связал пылкость самцов с более крупными половыми клетками самок. Благодаря размерам, рассуждал он, мужские половые клетки могли относительно легко находить женские. Так, у морских животных, обладающих небольшой степенью подвижности, например, мелкие сперматозоиды имеют гораздо больше шансов добраться до большой яйцеклетки, чем наоборот. Однако поскольку данный процесс носит рандомный характер, с эволюционной точки зрения самцы поступали бы куда разумнее, если бы сначала находили самку и только потом извергали семя. Впоследствии эта склонность самцов искать самок сохранится даже у высших сухопутных животных. Один из существенных недостатков данной теории – невозможность объяснить снижение пылкости самцов и повышение пылкости самок у видов, для которых характерен аномальный дисбаланс в родительском вкладе.

⁴⁵ На самом деле один из постулатов новой дарвинистской парадигмы гласит, что путеводная звезда естественного отбора – это не просто «выживание и размножение». Но этот нюанс не будет важен до седьмой главы книги.

напротив, не могут рожать детей чаще одного раза в год. Эта асимметрия отчасти обусловлена высокой стоимостью яйцеклеток; у всех видов они крупнее и малочисленнее, чем крошечные и серийно производимые сперматозоиды. (Таково, кстати, официальное биологическое определение особи женского пола – существа с более крупными половыми клетками.) У млекопитающих данная асимметрия приобретает еще большие масштабы: длительное превращение яйцеклетки в организм происходит внутри самки, в силу чего она физиологически не способна вести несколько проектов одновременно.

Таким образом, хотя существуют различные причины, почему для женщины имеет эволюционный смысл спать с несколькими мужчинами (например, первый мужчина может оказаться бесплодным), наступает момент, когда сексуальные утехы уже «не стоят свеч». Лучше отдохнуть или что-нибудь поесть. Для мужчины, если только он не на грани голодного обморока, этот момент не наступает никогда. Каждая новая партнерша – шанс передать свои гены следующему поколению, а это, согласно дарвинистской теории, гораздо более радужная перспектива, нежели возможность вздремнуть или чем-нибудь подкрепиться. Как лаконично выразились эволюционные психологи Мартин Дали и Марго Уилсон, самцам «всегда есть к чему стремиться»⁴⁶.

В некотором смысле самкам тоже есть куда стремиться – но в смысле качества, а не количества. Рождение ребенка влечет за собой большие временные и энергетические затраты, а потому природа заведомо ограничила количество таких предприятий. С ее (генетической) точки зрения каждый ребенок – исключительно ценная генетическая машина. Его способность выжить и в свою очередь произвести на свет другие генетические машины имеет ключевое значение. Выходит, у женщины есть все основания серьезно подходить к выбору мужчины, который поможет ей в создании нового носителя генетического материала. Ей следует хорошенько оценить потенциального партнера, спросив себя: что ценного он привнесет в проект? Из этого вопроса вытекает целое множество других вопросов, которые (у нашего вида особенно) гораздо сложнее, чем вам может показаться.

Прежде чем заняться этими вопросами, необходимо сделать несколько оговорок. Одна из них состоит в том, что женщине не нужно задавать их буквально. Более того, она может их даже не осознавать. Существенная часть истории нашего вида протекала до того, как разум наших предков развился достаточно, чтобы их вообще о чем-то можно спрашивать. Даже в относительно недавнем прошлом, уже после развития речи и способности к самоанализу, не все возникающие поведенческие тенденции требовали контроля сознания. На самом деле понимать, что конкретно мы делаем и зачем, в некоторых случаях определенно *не* в наших генетических интересах. (Возьмем хотя бы Фрейда – он явно напал на кое-что интересное, хотя некоторые эволюционные психологи скажут, будто он понятия не имел, на что именно.) В случае сексуального влечения повседневный опыт подсказывает нам, что естественный отбор главным образом действовал через эмоциональные краны, которые включают и отключают такие чувства, как робкое влечение, неистовая страсть и безумная влюбленность. Оценивая мужчину, женщина не думает: «Он выглядит достойным вкладчиком в мое генетическое наследие». Она просто составляет о нем некое мнение и чувствует к нему влечение – или не чувствует. Всю «мыслительную работу» уже сделал за нее – несознательно, метафорически – естественный отбор. Гены, вызывающие влечение, которое шло на пользу генетическому наследию ее предков, процветали, а гены, вызывающие менее продуктивное влечение, – нет.

Понимание бессознательной составляющей генетического контроля – первый шаг к пониманию того, что все мы – марионетки, а потому лучшее, что мы можем сделать, дабы обрести хотя бы минимальную свободу, – попытаться дешифровать логику кукловода. Объяснение всех нюансов его логики займет некоторое время, но я не думаю, что испорчу читателю

⁴⁶ Цит. по: Hrdy (1981). С. 132.

удовольствие, если прямо сейчас скажу, что кукловод, похоже, не испытывает ни малейшего желания сделать кукол счастливыми.

Второй важный момент, который необходимо осознать перед обсуждением сексуальных предпочтений женщин (и мужчин), состоит в следующем: естественный отбор напрочь лишен дара предвидения. Эволюцией управляет среда, в которой она протекает, а среда изменчива. Естественный отбор в принципе не мог предвидеть, например, что когда-нибудь люди изобретут средства контрацепции и будут тратить огромные количества энергии на секс, который гарантированно не приведет к оплодотворению; что однажды появятся фильмы для взрослых и сладострастные мужчины, вместо того чтобы стремиться к реальным, живым женщинам, которые могут передать их гены следующему поколению, прилипнут к экрану телевизора.

Разумеется, это не означает, что в «непродуктивном» сексе есть что-то неправильное. Хотя мы созданы естественным отбором, мы вовсе не обязаны рабски следовать его программе (если уж на то пошло, у нас может возникнуть большой соблазн сделать прямо противоположное – хотя бы в качестве отместки за тот нелепый багаж, которым он нас наградил). Суть в том, что говорить о разуме человека как об устройстве, созданном лишь для максимизации его приспособленности, его генетического наследия, едва ли корректно. Скорее, теория естественного отбора подразумевает, что человеческий разум создан для максимизации приспособленности *к среде, в которой этот разум развился*. Эта среда известна как СЭА – среда эволюционной адаптации⁴⁷, или «анцестральная среда». На протяжении всей книги анцестральная среда останется на заднем плане. Временами, размышляя, можно ли считать некую психическую черту эволюционной адаптацией, я буду задаваться вопросом, отвечает ли она «генетическим интересам» ее носителя (например, отвечает ли неразборчивая похоть генетическим интересам мужчин). Конечно, я прибегаю к подобной формулировке исключительно для краткости. Правильно поставленный вопрос звучит так: отвечает ли признак «генетическим интересам» кого-либо в СЭА, а не в современной Америке, викторианской Англии или где-либо еще. В теории природу современного человека должны составлять только те признаки, которые в социальной среде наших предков активно содействовали передаче ответственных за них генов следующим поколениям⁴⁸.

Какой была анцестральная среда? В XX веке ее ближайшим аналогом, пожалуй, можно считать общества охотников и собирателей: кунг-сан в пустыне Калахари, сообщества эскимосов Арктического региона и аче в Парагвае. К несчастью, охотничье-собирательские общества сильно отличаются друг от друга, что существенно затрудняет те или иные обобщения касательно горнила человеческой эволюции. Это многообразие напоминает нам, что идея единой СЭА на самом деле фикция, некий композит; анцестральная социальная среда, безусловно, сильно менялась в процессе человеческого развития⁴⁹. С другой стороны, большинству современных обществ охотников и собирателей присущ целый ряд общих черт; все они свидетельствуют о том, что некоторые особенности, вероятно, оставались относительно неизменными на протяжении большей части эволюции человеческой психики. Так, дети росли бок о бок с близкими родственниками в маленьких деревушках, где все друг друга знали, а чужаки появлялись редко. Взрослые вступали в брак – моногамный или полигамный, причем женщины обычно выходили замуж по достижении детородного возраста.

В любом случае можно не сомневаться: какой бы ни была анцестральная среда, она не похожа на ту, в которой мы живем сейчас. Мы не созданы для того, чтобы толкаться в метро,

⁴⁷ Термин «среда эволюционной адаптации» был предложен Джоном Боулби, выдающимся психиатром и биографом Дарвина (Bowlby, 1991).

⁴⁸ Относительная важность изучения СЭА, а также роли признаков в приспособленности к современной среде до сих пор активно обсуждается в научных кругах (равно как и само определение СЭА). Журнал «*Ethology and Sociobiology*» даже посвятил целый выпуск (vol. 11, 1990) дискуссиям о значимости СЭА.

⁴⁹ См.: Tooby & Cosmides (1990b).

жить по соседству с людьми, с которыми мы никогда не разговариваем, наниматься на работу, увольняться или смотреть вечерние новости по телевизору. Возможно, именно расхождения между контекстом, для которого мы были предназначены изначально, и контекстом, в котором мы существуем сегодня, и объясняют многие распространенные психопатологии, а также львиную долю страданий менее драматического рода. (Данное наблюдение, равно как и постулат о важности бессознательной мотивации, в основном заслуга Фрейда; такова центральная тема его знаменитого трактата «Цивилизация и ее тяготы».)

Дабы выяснить, что же женщины склонны искать в мужчинах (и наоборот), необходимо тщательно проанализировать нашу анцестральную среду (или среды). Кроме того, анализ анцестральной среды поможет объяснить, почему женщины сексуально менее сдержанны, чем самки многих других видов. Впрочем, с точки зрения формулирования самой важной мысли этой главы – каким бы ни был типичный уровень сдержанности самок нашего вида, он выше уровня сдержанности самцов, – конкретное окружение значит мало. Эта мысль автоматически вытекает из допущения, которое мы уже обсудили выше: за свою жизнь самка может иметь намного меньше потомков, чем самец. И так было практически всегда – еще до того, как наши предки стали людьми, приматами, млекопитающими и так далее. Эволюция человеческого мозга берет начало от рептилий; самки змей не очень умные, но они достаточно сообразительны, чтобы знать (по крайней мере бессознательно): спариваться с некоторыми самцами – не лучшая идея.

Таким образом, главный просчет Дарвина состоял в следующем: самка – вещь драгоценная, однако не из-за ее сексуальной робости, как полагал он, а в силу самой своей *природы* – в силу той биологической роли, которую она играет в репродукции, и, как следствие, медленного темпа воспроизводства, изначально присущего особям женского пола. Естественный отбор это «понял» и – сделал ставку на робость.

Прозрение

Первый большой шаг к пониманию этой логики человеком был сделан в 1948 году британским генетиком А. Дж. Бейтманом, наблюдавшим брачные игры мух-дрозофил. Бейтман помещал пять самок и пять самцов в камеру, выжидал, когда они последуют «зову сердца», а затем, изучая новое поколение, определял, каким родителям принадлежал тот или иной отпрыск. В ходе своих экспериментов ученый обнаружил четкую закономерность. Если количество потомков большинства самок было практически одинаковым и не зависело от того, со сколькими самцами они спаривались, то наследие самца подчинялось общему правилу: чем больше самок он оплодотворял, тем больше у него оказывалось «детей». Следовательно, заключил Бейтман, естественный отбор поощряет «неразборчивую инициативность у самцов и привередливую пассивность у самок»⁵⁰.

Открытие Бейтмана долго не было оценено по достоинству. Потребовалось почти три десятилетия и несколько биологов-эволюционистов, чтобы придать ему два важнейших качества: научность, с одной стороны, и широкую огласку – с другой.

Первым качеством – научной строгостью – принцип Бейтмана обязан двум биологам, которых с полным правом можно считать живым доказательством того, насколько ошибочны бывают стереотипы о дарвинизме. В 1970-х годах противники социобиологии часто обвиняли ее сторонников в скрытом реакционизме, расизме, фашизме и т. п. Ни Джордж Уильямс, ни Роберт Триверс таких обвинений определенно не заслуживали, и вместе с тем именно они сделали все, чтобы заложить фундамент новой парадигмы.

⁵⁰ Bateman (1948). С. 365.

Уильямс, почетный профессор Университета Нью-Йорка, приложил титанические усилия, дабы искоренить остатки социального дарвинизма с его ключевым тезисом, будто естественный отбор – это процесс, которому нужно подчиняться. Многие биологи разделяют его взгляды и подчеркивают, что мы вовсе не обязаны выводить наши нравственные ценности из его «ценностей». Но Уильямс идет еще дальше. Естественный отбор, утверждает он, – это «зло», так велики боль и смерть, на которых он паразитирует, и так глубок эгоизм, который он порождает.

Триверс, который на заре формирования новой парадигмы периодически читал лекции в Гарварде, а теперь преподает в Ратгерском университете, менее Уильямса склонен к моральной философии. Однако и он питает выраженную неприязнь к ценностям правого толка, ассоциированным с социальным дарвинизмом. Он с гордостью говорит о своей дружбе с лидером партии «Черные Пантеры» Хьюи Ньютоном (в соавторстве с которым он однажды написал целую статью о человеческой психологии), активно выступает против предвзятости судебной системы и видит происки консерваторов там, где большинство людей их не видят.

В 1966 году Уильямс опубликовал эпохальный труд «Адаптация и естественный отбор». Постепенно его книга снискала заоблачную популярность. Сегодня это библия для всех биологов, которые рассматривают социальное поведение, включая человеческое, в свете нового дарвинизма⁵¹. Книга Уильямса не только позволила устранить путаницу, долгое время царившую в науке о социальном поведении, но и заложила прочный фундамент для исследований дружбы и секса. Триверс приложил руку и к первым, и ко вторым.

Уильямс развил и углубил логику, намеченную Бейтманом в статье 1948 года. В частности, он переформулировал вопрос о генетических интересах полов в терминах «жертвы», необходимой для размножения. Для самца млекопитающего эта жертва близка к нулю. Его «ключевая роль обычно ограничивается копуляцией, предполагающей незначительные энергетические и материальные затраты и лишь на мгновение отвлекающей его от вопросов, касающихся собственной безопасности и благополучия». Поскольку самцы, по большому счету, теряют мало, а приобретают много, «агрессивное и безотлагательное желание совокупляться с максимально возможным количеством самок» может принести им немалую прибыль (в валюте естественного отбора). Для самки, напротив, «копуляция нередко предполагает длительное бремя, как в механическом, так и в физиологическом смысле, а также сопутствующие ей многочисленные сложности и опасности». Таким образом, самка генетически заинтересована «нести издержки размножения» только при благоприятных обстоятельствах. А «одно из самых важных обстоятельств – осеменяющий самец»; поскольку «высокоприспособленные самцы обычно дают высокоприспособленное потомство», то «в интересах самки – уметь выбрать самого приспособленного самца из всех доступных»⁵².

Отсюда ухаживание: «реклама приспособленности самца». Если «в интересах самца казаться приспособленным, вне зависимости от того, так это на самом деле или нет», то в интересах самки – вовремя распознавать фальшивую рекламу. Посему естественный отбор создает «искусное умение подавать себя у самцов и столь же развитые навыки противодействия рекламе у самок»⁵³. Другими словами, самцы (в теории) должны быть фатами и показушиками.

Несколькими годами позже Триверс использовал идеи Бейтмана и Уильямса, чтобы сформулировать полноценную теорию, которая проливает свет на психологию мужчин и женщин. Триверс начал с того, что заменил «жертву» Уильямса термином «вклад». На первый

⁵¹ «Эгоистичный ген» Ричарда Докинза, его наиболее известная и популярная книга, пропитан идеями Уильямса. В первой главе Докинз признает: «Эволюцию лучше всего рассматривать как результат отбора, происходящего на самом нижнем уровне. На это мое убеждение сильно повлияла замечательная книга Джорджа К. Уильямса...»

⁵² Williams (1966). С. 183–184.

⁵³ Там же. С. 184.

взгляд разница может показаться незначительной, однако нюансы способны породить настоящую интеллектуальную лавину. Так произошло и в этом случае. К термину «вклад», связанному с экономикой, прилагалась готовая аналитическая схема.

В знаменитой статье, опубликованной в 1972 году, Триверс определил «родительский вклад» как «любой вклад родителя в отдельного потомка, который увеличивает шансы на выживание последнего (и, следовательно, на его репродуктивный успех) за счет способности родителей вкладывать в других потомков»⁵⁴. Родительский вклад включает время и энергию, необходимые для производства яйцеклетки или спермы, оплодотворения, беременности, вынашивания плода и выращивания детеныша. До рождения вклад самок, безусловно, больше; как правило, эта диспропорция сохраняется и в дальнейшем.

Количественно выразив дисбаланс отцовского и материнского вклада у разных видов, предположил Триверс, мы лучше поймем некоторые вещи – например, пылкость самца и робость самки, интенсивность полового отбора, а также многие неявные аспекты ухаживания и родительства, верности и неверности. Триверс отметил, что у нашего вида дисбаланс родительского вклада не такой выраженный, как у многих других, и приписал это психологической сложности (в следующей главе мы увидим, что он не ошибся).

Благодаря Триверсу и его статье «Родительский вклад и половой отбор» цветок раскрылся; простое дополнение к теории Дарвина – настолько простое, что Дарвин ухватил бы его суть за минуту, – наметилось в 1948 году, было обнародовано в 1966-м и в 1972-м обрело окончательную форму⁵⁵. Тем не менее концепции родительского вклада не хватало главного – публичности. Именно книги Э. О. Уилсона «Социобиология» (1975) и Ричарда Докинза «Эгоистичный ген» (1976) обеспечили идеям Триверса большую и разнообразную аудиторию, заставив многих психологов и антропологов взглянуть на человеческую сексуальность с позиций современного дарвинизма.

Проверка теории

Теорий – пруд пруди. Даже самые элегантные из них, которые, подобно теории родительского вклада, способны объяснить многое с помощью малого, часто оказываются бесполезными. Есть доля справедливости в упреках (креационистов и прочих), будто некоторые теории об эволюции животных признаков суть «просто сказки» – правдоподобные, но не более того. И все же отделить правдоподобные теории от убедительных возможно. В некоторых науках проверить теорию легко; в таких случаях выражение «теория доказана» – лишь *небольшое* преувеличение (хотя, строго говоря, это преувеличение всегда). В других дисциплинах подтверждение носит косвенный характер: это длительный процесс, в ходе которого уверенность постепенно достигает (или не достигает) порога консенсуса. Изучение эволюционных корней человеческой природы (и не только человеческой) относится к наукам второго типа. Анализируя теорию, мы задаем вопросы, ответы на которые питают либо веру, либо сомнения.

Один из вопросов относительно теории родительского вклада звучит так: действительно ли поведение человека согласуется с ней хотя бы в основных моментах? Правда ли, что жен-

⁵⁴ Trivers (1972). С. 139.

⁵⁵ Кто именно придал этому теоретическому расширению *окончательную* форму – Триверс или другие ученые – неясно. В 1991 году Клаттон-Брок и Винсент предположили, что вместо родительского «вклада», который трудно определить количественно, следует сосредоточиться на потенциальной скорости размножения каждого пола. На примере разных видов они показали, что пол, для которого характерна более высокая потенциальная скорость воспроизводства, – исключительно надежный предиктор более интенсивного соперничества за доступ к противоположному полу. Я заметил, что многие люди находят относительную потенциальную скорость размножения интуитивно более понятным объяснением робости самок, нежели теорию относительного родительского вклада. Посему в начале главы я сделал акцент на относительной потенциальной скорости размножения и попытался рассказать об этом так, как это сделали бы Клаттон-Брок и Винсент. См.: Clutton-Brock & Vincent (1991).

щины более разборчиво подходят к выбору половых партнеров, нежели мужчины? (Другой вопрос – какой пол более разборчив в выборе *супруга*, но к нему мы вернемся позже.) Конечно, существует множество избитых истин, предполагающих такое же множество вариантов ответа. В частности, хорошо известно, что проституция – секс с кем-то, кого ты не знаешь и не хочешь знать, – услуга, к которой прибегают почти исключительно мужчины, причем как сейчас, так и в викторианской Англии. Аналогичным образом порнографию, которая главным образом основана на визуальной стимуляции – фильмы, фотографии неизвестных людей, бездуховная плоть, – смотрят практически одни мужчины. Кроме того, исследования показали, что мужчины в среднем более, чем женщины, склонны к случайному, анонимному сексу. В одном таком эксперименте три четверти мужчин, к которым подходила незнакомая женщина на территории университета, согласились с ней переспать, в то время как все женщины, к которым подходил незнакомый мужчина, ответили отказом⁵⁶.

Скептики часто возражали, что эти факты, собранные в западном обществе, отражают лишь его извращенные ценности. Сегодня данный аргумент уже неактуален. На самом деле он неактуален с 1979 года, когда Дональд Саймонс впервые опубликовал свою «Эволюцию человеческой сексуальности» – первое всестороннее антропологическое исследование сексуального поведения человека с позиций нового дарвинизма. Опираясь на культуры Востока и Запада (как индустриальные, так и дописьменные), Саймонс продемонстрировал универсальность шаблонов, подразумеваемых теорией родительского вклада: женщины, как правило, более разборчивы в выборе сексуальных партнеров, тогда как мужчины непривередливы и считают, что секс с разными партнершами – отличная идея.

Одна из культур, которую приводил в пример Саймонс, настолько далека от западного влияния, насколько это возможно: это культура коренного населения островов Тробриан в Меланезии. Доисторическая миграция, заселившая эти острова, откололась от миграций, заселивших Европу, десятки (если не все сто) тысяч лет назад. Таким образом, анцестральная культура островов Тробриан отделилась от анцестральной культуры Европы даже раньше, чем культура американских индейцев⁵⁷. И действительно, когда в 1915 году эти острова посетил знаменитый антрополог Бронислав Малиновский, они оказались удивительно далеки от течений западной мысли. Местные жители, казалось, до сих пор не осознавали связи между сексом и деторождением. Когда один тробрианец вернулся домой из многолетнего плавания и обнаружил, что у его жены появилось двое детей, Малиновский был достаточно тактичен, чтобы не намекнуть на ее неверность. Но «когда я, обсуждая этот вопрос с другими, намекнул, что хотя бы один из этих детей мог быть не его, мои собеседники не поняли, что я имел в виду»⁵⁸.

Некоторые антропологи усомнились, что тробрианцы и впрямь могли быть столь невежественны. Хотя рассказ Малиновского звучит весьма убедительно, он вполне мог что-то напутать. Но даже если это и так, необходимо понимать: в принципе Малиновский мог быть прав. Эволюция сексуальной психологии человека, судя по всему, произошла до того, как люди открыли, для чего нужен секс. Похоть и другие подобные чувства – это механизм, посредством которого естественный отбор заставляет нас вести себя так, как будто мы хотим много потомков и знаем, как их получить; и не важно, на самом деле это так или нет⁵⁹. Если бы естественный отбор работал *иначе* – если бы вместо этого он усовершенствовал человеческий интеллект настолько, что наше стремление к приспособленности было *сознательным* и *обдуманным*, жизнь была бы совсем другой. Жены и мужья, например, не искали бы «защищенного секса на стороне»; они бы отказались либо от контрацепции, либо от секса.

⁵⁶ Цит. по: Buss & Schmitt (1993). С. 227. Разумеется, не исключено, что многие женщины просто беспокоились за свою физическую безопасность.

⁵⁷ Cavalli-Storza et al. (1988).

⁵⁸ Malinowski (1929). С. 193–194.

⁵⁹ Обсуждение ревности у тробрианцев см.: Symons (1979). С. 24.

Другая незападная особенность островов Тробриан – отсутствие запрета на добрачные половые сношения, столь свойственного викторианскому периоду. К раннему подростковому возрасту и мальчиков, и девочек поощряли к половым связям с партнерами по их выбору. (Аналогичная свобода нравов обнаруживается и в некоторых других доиндустриальных обществах, хотя эксперименты обычно заканчиваются и переходят в брак до того, как девочка достигает фертильности.) Однако Малиновский не оставил сомнений в том, какой пол более предприимчивый. «В тробрианских ухаживаниях нет места недомолвкам... О свидании просят прямо и открыто, не скрывая намерений получить сексуальное удовлетворение. Если приглашение принято, удовлетворение желания юноши исключает романтический настрой, стремление к недостижимому и мистическому. Если же он получает отказ, то отнюдь не воспринимает его как личную трагедию: он с детства привык к отказам и знает, что эту беду быстро вылечит другая интрижка...» И: «В течение любого романа мужчина обязан постоянно дарить женщине маленькие подарки. Для аборигенов необходимость платы родственникам очевидна. Согласно этому обычаю, половая связь, даже при наличии взаимной привязанности, есть услуга, которую женщина оказывает мужчине»⁶⁰.

Разумеется, существовали и такие культурные силы, которые подкрепляли сексуальную сдержанность. Хотя активная половая жизнь девушки поощрялась, откровенные и вульгарные заигрывания вызывали порицание в силу «бессмысленности таких приставаний с точки зрения личного блага»⁶¹. С другой стороны, есть ли основания полагать, что подобная норма не является опосредованным культурой отражением более глубинной генетической логики? Можно ли найти хоть одну культуру, в которой женщины с необузданными сексуальными аппетитами *не* считаются более аберрантными, чем столь же похотливые мужчины? Если нет, то не слишком ли это странное совпадение, что все народы мира, независимо друг от друга, выработали примерно одинаковые культурные традиции без всякой генетической поддержки? Или же сей универсальный культурный элемент возник полмиллиона (или больше) лет назад, еще до того, как виды разделились? Для ценности, установленной, по сути, произвольно, это слишком долго; хотя бы в одной из культур она должна была исчезнуть.

Отсюда вытекает несколько важных выводов. Первый: универсальность некоей психической черты или механизма психического развития, их присутствие во всех культурах (даже тех, которые абсолютно не похожи друг на друга)⁶² – веская причина подозревать эволюционное происхождение. Второй: невозможность объяснить такую универсальность с сугубо культурной точки зрения – пример того, как дарвинистский подход, пусть и не *доказанный* так, как доказаны математические теоремы, все-таки может оказаться предпочтительным; его цепочка объяснений короче альтернативной и содержит меньше сомнительных звеньев; одним словом, эта теория проще и имеет больший потенциал. Если принять три скромных тезиса, изложенных выше – 1) теория естественного отбора предполагает «приспособленность» разборчивых женщин и неразборчивых мужчин; 2) эта разборчивость и, соответственно, неразборчивость наблюдается во всем мире и 3) эту универсальность нельзя объяснить посредством сугубо культурологической теории, – если принять все эти допущения, то мы просто обязаны согласиться с дарвинистским объяснением: и мужская свобода, и (относительная) женская сдержанность в той или иной степени носят врожденный характер.

Тем не менее неплохо подкрепить идею фактами. Хотя абсолютное «доказательство» возможно в науке не всегда, мы вправе говорить о разных степенях достоверности. Пусть эволюционные объяснения редко достигают тех 99,99 процента достоверности, что можно обнаружить в физике и химии, поднять этот уровень, скажем, с 70 до 97 процентов всегда приятно.

⁶⁰ Malinowski (1929). С. 313–314, 319.

⁶¹ Там же. С. 488.

⁶² Точный смысл «универсальности» видотипичных психических адаптаций см.: Tooby & Cosmides (1989).

Один из способов придать эволюционному объяснению дополнительную надежность – показать, что его логике подчиняются все. Если женщины разборчивы в сексе потому, что могут иметь меньше детей, чем мужчины, и если самки в царстве животных, как правило, дают меньше потомства, чем самцы, значит, самки в целом должны быть разборчивее самцов. Как и всякая хорошая научная теория, эволюционные теории способны порождать опровергаемые прогнозы – пусть даже биологи-эволюционисты не могут воспроизвести эволюцию в своих лабораториях и, контролируя те или иные переменные, предсказать результат.

Данный конкретный прогноз подтверждается огромным количеством наблюдений. Во многих видах самки робкие, а самцы – нет. На самом деле самцы настолько неразборчивы, что могут питать сексуальный интерес не только к самкам. Среди некоторых видов лягушек гомосексуальные ухаживания так распространены, что самцы, по ошибке попавшие в объятия другого самца, издают особый звук, сообщающий, что они оба зря теряют время⁶³. Самцы змей, в свою очередь, известны тем, что на определенный срок остаются с мертвыми самками, прежде чем перейти к живому объекту вожделения⁶⁴. Что же касается индюков, то эти товарищи настолько любвеобильны, что будут рьяно обхаживать чучело индюшки. Сойдет копия одной головы, подвешенная в сорока сантиметрах над землей. Самец кружит вокруг головы, а затем (уверенный, что его спектакль произвел впечатление) поднимается в воздух и опускается поблизости от того места, где должна находиться задняя часть, которой в действительности не существует. Самые озабоченные проявят интерес даже к деревянной голове, а некоторые могут воспылать страстью к деревянной голове без глаз и клюва⁶⁵.

Конечно, такие эксперименты только подтверждают то, что Дарвин считал очевидным десятки лет назад: самцы очень пылки. Здесь возникает известная проблема с проверкой эволюционных объяснений. Если бы однажды, сидя в своем кабинете, Дарвин вдруг подумал: «Моя теория предполагает робких, разборчивых самок и безумно похотливых самцов», а затем отправился на двор в поисках примеров, никаких сложностей бы не возникло. Однако все происходило несколько иначе. Сначала Дарвин наблюдал живые организмы и только потом задумался, какими соображениями руководствовался при их творении естественный отбор – вопрос, на который нельзя было ответить вплоть до середины XX века, когда примеров накопилось еще больше. Тенденция эволюционных «предсказаний» появляться после их очевидного осуществления вызывала хроническое недовольство у критиков Дарвина. Люди, которые сомневаются либо в теории естественного отбора в целом, либо в ее применимости к поведению человека, часто сетуют на подгонку свежих прогнозов под уже существующие результаты. Именно это они имеют в виду, когда говорят, что биологи-эволюционисты выдумывают «просто сказки», чтобы объяснить все наблюдаемые ими явления.

В каком-то смысле именно этим биологи-эволюционисты и занимаются. Впрочем, само по себе выдумывание правдоподобных версий – не преступление. Мощь теории, подобной теории родительского вклада, измеряется тем, как просто и как много она объясняет, вне зависимости от момента появления тех или иных данных. Когда Коперник заявил, что Земля вращается вокруг Солнца, и объяснил с помощью этой теории таинственное движение звезд в небе, было бы глупо утверждать: «Но вы жульничайте! Вы знали об этом раньше». Некоторые «сказки» откровенно лучше других, и они выигрывают. Кроме того, велик ли выбор у биологов-эволюционистов? Разве они виноваты в том, что сведения о жизни животных начали накапливаться за тысячелетия до дарвиновской теории? С этим фактом ничего не поделаешь.

⁶³ Trivers (1985). С. 214.

⁶⁴ Дарвин Ч. Происхождение человека. Гл. XII. С. 434.

⁶⁵ Trivers (1985). С. 214.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.